

Держа лампу на вытянутой руке, он побежал в темноту. Я тоже подхватил одну из ламп и поспешил за ним. Метров через сто мы остановились около узкой щели в стене. Один бы я ее ни за что не заметил. Мы протиснулись туда друг за другом и оказались низким и узким пещерном ходе, винтообразно уводящем вниз. Я опасливо ступал, боясь поскользнуться. Тошук нетерпеливо оглядывался, шепча «Ну давай же, скорее!». Наконец, лаз закончился, и мы вошли в обычный коридор – по таким мы ходили вчера. Тошук снова остановился, и я увидел еще одну маленькую дверь, которую ни за что бы не разглядел сам. Дверь открылась, и свет лампы выхватил черный монитор компьютера. Подойдя, Тошук быстро включил его, а мне указал на табурет. На загоревшемся экране сразу открылся браузер, а в нем – длинный список заголовков. Прочитав несколько, я понял, что это подборка новостей о сегодняшнем происшествии. «Вооруженный инцидент на границе закрытого государства Сабинянии», «Сабинянские пограничники жестоко отреагировали на попытку мирных туристов залезть на стену, отделяющую микросоударство от остального мира», «Члены тоталитарной секты из Сабинянии напали на туристов» - это были самые ранние, появившиеся, очевидно, после самого первого боя. Теперь я был убежден, что именно он предстал мне в видении у костра. Как такое возможно, было неважно, да и времени размышлять не было. Следующая порция была уже свежей, выброшенной по следам недавнего побоища: «Несколько человек убито при попытке забраться на сабинянскую стену», «Сабинянские «спецназовцы» устроили кровавую резню за стеной», «Заблудившиеся туристы стали жертвами безнаказанности озверевших сабинянских солдат», и т.д.. Я начал по очереди открывать тексты. Некоторые были написаны относительно сдержанно, но большая часть была провокационной и злобной. Утверждалось, что какие-то ни о чем не подозревавшие туристы (которые почему-то не видели пограничных аншлагов, установленных цепочкой задолго до стены, хотя они давно стали модными мемами!) заблудились на скалистом плато, где проходит верхний участок стены, и решили попросить помощи у обитателей Сабинянии (якобы их телефоны все разом разрядились, и иной возможности послать сигнал бедствия не было). Однако, стоило им начать карабкаться по неприступной стене, как сверху без предупреждения высыпался шквал копий и стрел. О том, что у «туристов» с собой почему-то в большом количестве оказалось огнестрельное оружие, нигде не сообщалось. Погибло... боже, двадцать человек! Я понадеялся было, что эта цифра – очередное вранье, но тут вспомнил, как методично и быстро, одну за другой, выпускал стрелы Треххвостый... Точнее, Эгр. И он, и другие. Увы, двадцать мертвецов - это похоже на правду. А потом солдаты спрыгнули на землю и добились самых упрямых, перерезав им ножами горло. Я видел это своими глазами. Без сомнения, по-другому было нельзя – иначе бандиты проникли бы внутрь. Но для читателей это однозначно выглядело как жестокая бессмысленная расправа.

Лишь несколько материалов старались дать правдивую информацию. Они ссылались, в том числе, на источники в полиции. Оказывается, последний бой велся одновременно в двух местах. Наш участок был не единственным. Из этого авторы делали вывод, что это больше похоже на спланированное нападение, чем на случайную стычку. Впрочем, «источник в среде пострадавших», имя которого почему-то не называлось, на просьбу прокомментировать сразу заявил, что они специально разделились на две группы, чтобы быстрее найти место входа в стену и позвать на помощь. Однако свирепые солдаты-зомби принялись стрелять, стоило им лишь завидеть посторонних. А потом, когда несчастные «туристы» в панике начали убегать, они слезли, догнали и добились их своими острыми кинжалами.

Не помню, сколько времени я читал все это. Каждые пять минут в сети появлялись новые посты с уточненной информацией. По большей части, правда, это было лишь новое нагромождение лжи. Но вот, наконец, появилась и правда. Огнестрельное оружие! Слава Богу, полицейские нашли его около тел убитых. Узнав про это, антисабинянские источники сперва завопили, что из ружей на самом деле палили солдаты-зомби (в каких-нибудь полчаса родилась теория, что внутри Сабинянии на самом деле хранится арсенал не только охотничьих

карабинов, но чуть ли не пулеметов и базук), но затем, когда в полиции заявили, что у «пострадавших туристов» огнестрельных ранений нет, им пришлось срочно менять показания. Теперь выдвигалась версия, что «мирными туристами» были охотники (хотя и тоже сплошь мирные). Про-сабинянские источники в ответ сразу выяснили, что охота в этих местах в данный момент строго запрещена и владельцы оружия не могли быть никем иным, как браконьерами. Тогда «пострадавшие» решили срочно откреститься от стрелков. Теперь возле стены возникли условно две группы, которые якобы не знали друг друга: мирные туристы и браконьеры. Причем всех убитых сразу записали в туристы, а куда делись вооруженные нарушители, было непонятно.

Увы, более-менее логичная дискуссия (о том, кем были убитые, было ли у них оружие и сколько его было) чем дальше, тем больше тонула в хоре нечленораздельных криков, общий смысл которых сводился к тому, чтобы «отомстить», «наказать» и «дать понять, что мы больше не намерены терпеть этот произвол». Все попытки указать на очевидные противоречия встречались истеричным «Вы что, поддерживаете этих террористов-сектантов?» В большом количестве появились и фото мертвых «туристов». При этом выбраны были только те, где в кадр не попали ружья. Фото с коптеров (эх, ну почему Эгр и его товарищи не сбили их всех?!) выкладывались тоже избирательно: лишь те, где были крупно видны сабинянские стрелки. Вот они целятся со стены, вот спускают тетиву – Треххвостый, Двукосый и десятки других, чьих имен я не знал. А вот и сцена финальной «резни». Хорошо видно, что дело происходит с внешней стороны стены. Поджарые парни в экзотических лохмотьях режут горла несчастным туристам-браконьерам. Я заметил, что в одном месте в кадр попал и упавший карабин, но его наскоро замазали, превратив в ветку. Действительно, все выглядело, как нападение каких-то диких чудовищ на цивилизованных людей. Кстати, среди «цивилизованных» действительно оказалось много арабских и азиатских лиц, на что один особенно громкий левацкий паблик тут же завизжал, что-де сабинянские «палеорасисты» (необычный термин, согласитесь!) старались убивать именно «цветных».

Спустя примерно час появились первые комментарии официальных лиц. Полицейские начальники были сдержаны: мол, нужно всестороннее объективное расследование инцидента, а до этого рано делать выводы, и т.д., и т.п.. Однако представители законодательной власти, особенно от радикальных партий (что левых, что правых) сразу, как по команде, потребовали дать «адекватный ответ на тоталитарную угрозу». Посыпались предложения высадить, наконец, давно ожидаемый десант, взять в плен жрецов, освободить поработенное местное население, дать им медицину, нормальное питание, хорошие бытовые условия...

«Может, хватит уже терпеть самоуправство этой маленькой садистской секты? – распинался какой-то из партийных лидеров. - По какому-то непонятному праву они занимают бесценную территорию на берегу Средиземного моря. Они играют там в ролевые игры, изображая древних землепашцев. Пускай изображают, мы не против. Многие экзальтированные граждане даже склонны умиляться ими. Пусть умиляются! Но сейчас эти ролевики немного заигрались. Они переоценили толерантность европейского сообщества. Решили, что теперь им все позволено. И вместо того, чтобы мирно играть у себя в вольере, они вылезли наружу и стали убивать наших граждан на нашей же территории! И это – при полном попустительстве полиции и армии! Очнитесь – ведь это настоящее военное вторжение! Неважно, что у них лишь луки, копья и ножи. С помощью этих нехитрых средств, как оказалось, можно убить двадцать человек. Вдумайтесь в эту цифру! У нас поднимается шум, если автомобиль сбивает насмерть одного-двух человек. А тут нам предлагают простить смерть двадцати! Простить ради каких-то никому не понятных ценностей хиппи, которые полвека назад захватили себе этот вольер (кстати, сама законность создания Сабинянии остается под большим вопросом)! Я требую ответа у наших властей – вы просто трусите, вы боитесь этих зарвавшихся ролевиков, или ваше

бездействие небескорыстно?...»

Все это сопровождалось увеличенными фотографиями сабинянских воинов, приканчивающих «туристов». Где-то мелькнула информация, что примерно половина убитых, оказывается, вовсе не имели европейского гражданства – они были откуда-то из Северной Африки. Но сторонники жестких мер с негодованием пресекли развитие этого сюжета, закричав, что «нам плевать на гражданство, это прежде всего люди, вне зависимости от их паспортов и цвета кожи». Судя по комментариям под этим заявлением, публика была им весьма удивлена, так как обычно «жесткие» занимали прямо противоположную позицию, выступая против нелегальной миграции. То есть если не цвет кожи, то паспорта для них как раз имели значение. Но сейчас они выступали хором с леваками, и трудно было им возразить. Спустя примерно час – все это время я безотрывно смотрел в экран – по официальным каналам пронеслось выступление представителей исполнительной власти. Президенты ближайших к Стене государств «не исключали принятие силовых мер», в случае если «подтвердится информация об агрессивных действиях со стороны территории Сабинянии». Я побледнел, мои руки задрожали. Впервые официоз назвал Сабинянию не государством, а «территорией». Значит, все уже решено? Не сегодня, так завтра сюда ринутся люди в камуфляже? Над Стеной пронесутся свирепо раскрашенные вертолеты? Стену раскошат бульдозерами, посреди вырубленного леса поставят «миротворческую базу» (это для начала), а сабинян «для их спасения» сгонят в «реабилитационный лагерь». Должно быть, детей отберут у родителей и отправят «на реабилитацию» в специальные учреждения или в приемные семьи...

Нет, нет, нет, этому не бывать! Но почему же, почему молчит официальный «голос Сабинянии»?! Что случилось с тем жрецом, который все последние годы успокаивал «демократическую общественность» и отводил от своей страны угрозу? Обычно его комментарий появлялся сразу после подобных инцидентов. Но сейчас его не было, и это настораживало. Не получая поддержки, притихли и многочисленные сторонники Сабинянии. В моих любимых пабликах обсуждались лишь частные подробности столкновений (например, сколько было стволов и какой марки), но открыто выступить с обычным призывом типа «руки прочь от рая-на-земле» участники боялись. Неужели молчание официального «голоса» страны сочли за признание вины? Но ведь это глупо... Однако, в самом деле, почему он молчит? Ведь счет идет на минуты! Да, и где же Тошук?

Я только сейчас вспомнил, что он ушел сразу же, как только я начал читать заголовки. Кажется, он сослался на то, что его помощь нужна на Стене. Сабиняне опасались продолжения атак. Но сейчас главная атака шла здесь, из этого монитора, и ее нужно было во что бы то ни стало отразить! Я поднялся, думая, что мне делать. Наверное, я мог бы вспомнить направление, по которому меня привел Тошук, и вернуться внутрь Стены. Но я не был в этом уверен. К тому же, не факт, что там до сих пор были люди. Раненых, должно быть, унесли, а солдаты переместились наверх, в ожидании новых нападений. Самостоятельно вернуться на стойбище я бы точно не смог. Но главное – я этого и не хотел. Я чувствовал, что должен сделать что-то здесь и сейчас, иначе случится непоправимое. Нужно было немедленно что-то ответить всем этим людям, этим президентам, этим вопящим левакам и правым, тем, кто писал и читал эти лживые тексты. Я должен рассказать им правду! Но как, кому мне написать? Куда ушел Тошук, который мог бы все объяснить? У многих статей была возможность комментирования, и я уже начал было набирать сбивчивый ответ, как вдруг заметил в правом нижнем углу экрана свернутое окошко. Я развернул его. Оказалось, что был шаблон письма. В адресной строке было забито пара десятков почтовых адресов – судя по названиям, это были представители разных крупных СМИ. Но наряду с ними были и неизвестные ящики, с непонятными (видимо, частными) серверными именами. Адреса СМИ навели меня на мысль, что это форма для рассылки чего-то вроде пресс-релизов. Но почему же сабинянские жрецы до

сих пор ничего не разослали?

Я не выдержал. Установив курсор в теле письма, я начал набирать сообщение. Вот что у меня получилось:

«Здравствуйте!

Многое из того, что написано в сети в связи с сегодняшним инцидентом на нашей границе, есть абсолютная ложь. Ночью к нашей стене подошли вооруженные карабинами люди. Они попытались проникнуть сквозь стену на нашу территорию, из-за чего наши воины вынуждены были открыть стрельбу из холодного оружия (а другого у нас и нет). В ответ посыпались огнестрельные выстрелы. Много наших солдат были ранены, по крайней мере один убит. Полицейские вертолеты, которые достаточно оперативно прибыли на место происшествия, в происходящее никак не вмешивались, и совершили посадку только тогда, когда все было кончено. Нам пришлось защищаться своими силами, хотя огневой обстрел нашей стены велся со стороны сопредельной территории. Да, солдаты вынуждены были спуститься вниз, чтобы ликвидировать нападавших – но лишь потому, что полиция нашего уважаемого государства-соседа бездействовала.

Грустно перечислять всю ложь, которые наши недруги, не стесняясь, вылили в сеть. Если вы внимательно посмотрите на выложенные ими фото, то увидите карабины, которые их авторы наскоро попытались стереть. Впрочем, в наши намерения не входит перевоспитывать лжецов и что-то доказывать нашим соседям. Вы хорошо знаете, что все предыдущие годы сабиняне использовали оружие лишь в целях самообороны. Вы также знаете, что свою землю мы будем защищать до конца, и что мы не намерены ни у кого испрашивать на это разрешение. Верите ли вы нам, или верите тем, кто по чьему-то заказу пытается уничтожить наш суверенитет и завладеть нашей территорией – нам, вобщем-то, все равно. В ответ на агрессию мы будем делать то же самое, что делает любое другое государство, когда на него нападают. Вы на нашем месте поступили бы точно также – стали бы защищаться. Мы тоже будем защищаться, и не удивляйтесь, если кому-то из нападающих от этого станет больно. Кто-то, быть может, даже умрет.

Не пытайтесь нападать на нас, и тогда нам с вами будет не о чем говорить».

Наверное, вышло много патриотичного пафоса, но по-другому в этот момент я не мог. Я не стал перечитывать свое послание, боясь, что засомневаюсь и не смогу отправить его. Я уже хотел нажать на кнопку «отправить», как вдруг увидел внизу значок «присоединить фото или видео». На всякий случай кликнув по нему, я увидел опцию «присоединить видеофайл с камеры». С какой, интересно, камеры? Я открыл список. К моему удивлению, первыми в нем шли записи, сделанные, судя по дате, сегодня на рассвете! Я открыл последнюю. Это был полуминутный ролик, снятый примерно с той точки стены, где оказались мы с Ержи. Значит, там где-то была вделана камера. Я снова увидел направленные на нас дула карабинов, перекошенные злобой лица и тонкие лучики стрел, сыплющиеся сверху вниз... Карабины, ура! Это то, что нужно! Следующее видео было еще лучше. Вот группа людей идет под стеной. Доходит до двери, начинает ее выламывать (точнее, пытается). За кадром на хорошем английском языке звучит требование немедленно убираться. В ответ снизу начинается стрельба... Все, дальше можно было не смотреть. Я присоединил к письму оба файла и нажал кнопку «отправить». Появилась иконка летящего письма, потом она исчезла, и в углу экрана снова утвердился пустой шаблон.

Я посидел еще немного, отдыхая. Тошук все не появлялся. В топе новостей вылезали все новые и новые посты. В основном - пережевывание старой информации. И вдруг – прошло, наверное,

минут десять – в ленте одного из крупнейших агентств появился заголовок «Официальный «Голос Сабинянии» прокомментировал сегодняшнюю резню на границе». Мой текст был приведен в точности, однако видео отсутствовали. Я испугался, что, может, они не прикрепились при отправке, но вдруг следом высочила новость другого ресурса, отличавшегося оппозиционными взглядами. Там уже были оба видеофайла, и название гласило: «Обвинения в адрес Сабинянии оказались ложью. Обнародованы сенсационные видео, показывающие попытку вооруженного нападения на сабинянскую стену». Не то, чтобы я был в восторге от того, что мой текст вышел под таким жареным заголовком, однако своей цели я добился. Спустя несколько минут посыпались новые посты, теперь уже по свежему сюжету. Разумеется, сторонники «принятия мер» так просто сдаваться не собирались. Кто-то из министров иностранных дел и депутатов продолжали настаивать на «всестороннем расследовании», намекая на имевшую место «провокацию», на которую поддались то ли мирные туристы, то ли неразумные браконьеры. Появились даже матери, подруги и чуть ли не осиротевшие дети туристов-браконьеров, которые требовали «справедливого суда над сектантами-садистами». Однако эти вопли высказывали уже не на топовых сайтах, а на мусорной обочине интернета, где рекламируются средства от бородавок. «Серьезные» агентства теперь на все лады обсуждали, кто заказал нападение на Сабинянию. В конце концов большинство официальных источников снизило накал эмоций. Теперь министры говорили не о провокации, а о «необходимости установить всех виновных в происшествии». Это предполагало, что виновными могут оказаться и убитые «туристы». Отчаявшись привлечь общественность на свою сторону, осиротевшие подруги/матери завопили, что их бой-френдов/сыновей, возможно, «заставили» участвовать в кровавом спектакле, окончившемся их гибелью. Они даже принялись «припоминать» подозрительные звонки и подозрительных личностей, которых их невинные мужья почему-то очень боялись, и которым не смели отказать... Это, впрочем, уже не стоило внимания.

Я пересел на пол и прислонился к стене, чтобы отдышаться. Это невероятно! Неужели мне удалось отбить угрозу? Так легко и просто, лишь постучав по клавиатуре? Да полно – удалось ли? Я снова присел на табурет. У меня на глазах начала размножаться еще одна новость – оказывается, полчаса назад случилась новая атака, но ее пресекли полицейские! Так значит, мы победили? Уфф... Значит, они (европейский официоз в лице местных силовиков) решили, что сторону провокаторов принимать невыгодно! Слава Богу! Или богам? Или Сабине...

Еще полчаса я листал ленту. Ничего нового не появлялось. Разрабатывались, вплоть до последних мелочей, предыдущие тезисы. Так, всесторонне исследовались личности нападавших. Оказалось, это была довольно пестрая группа. К моему удивлению, там участвовало несколько активистов из довольно крупных левацких организаций (сейчас эти организации, судя по их скупым комментариям, ломали голову, какую стратегию им выбрать – откреститься от своих «паршивых овец» или, наоборот, громко осудить Сабинянию). Были даже какие-то эконоанархисты, из тех, кто рискует своей жизнью, приковываясь к рельсам по пути следования поездов с ядерными отходами. Вот это жаль: активисты этой направленности обычно составляли костяк сторонников Сабинянии. Выбирая между окружающей средой и правами человека, они обычно прощали Сабинянии нарушение второго ради первого. Но теперь, боюсь, взгляды их изменятся. Впрочем, может, это еще окажется фэйком? Также непонятно было, кто принес к стене оружие. По одной версии, карабины были у радикальных анархистов. По другой – настоящие активисты были вообще не при чем, а оружие было доставлено какими-то затесавшимися в их компанию мутными личностями. Хотя, когда со стены полетели стрелы, отстреливаться стали все участники «прорыва», что неудивительно. Да, это у них называлось именно так – «прорыв». Появился комментарий чьей-то бывшей подруги (хотя сейчас высыпало так много «бывших подруг» и «проверенных источников из окружения участников акции», что трудно было утверждать, что все они настоящие), которая

рассказала о якобы подготовке акции. Выходило, что часть боевиков были ультралевыми, которые боролись против нарушений прав человека в Сабинянии, а часть – наоборот, ультраправыми, которые считали «сабинянский вольтер» оккупацией их собственной территории. Да уж, ну и смесь. Правда, как известно, крайности политического спектра часто соединяются, замыкая его в круг. Надо же, как их сплотила сабинянская тема! Оказывается, они готовили акцию два месяца, сперва думая приурочить ее к проходу нашей экскурсии. Но то ли они ошиблись датой, то ли не решились устраивать жесткий экшн на виду у толпы. Большинство «проверенных источников, близких к участникам событий» заявляли, что оружие было взято лишь для самообороны (да, представьте!), на случай, если кровожадные косматые псевдодикари сразу начнут обстрел. Однако какой-то не самый проверенный участник (неужели на вооруженные вылазки берут таких?) оказался то ли трусом, то ли провокатором, и нажал на спуск первым. А дальше – понеслось. Были и такие «проверенные источники», которые решили сразу отмежеваться от провокаторов. Мол, мы не знаем, как в нашей группе оказались люди с огнестрелом. Несомненно, их внедрили те, кто хотел бросить тень на нашу деятельность, и т.п..

Что же они намеревались делать, прорвавшись в Сабинянию? На этот счет ясности было еще меньше. Скорее всего, четкого плана у них и не было. Вроде как собирались выводить на свободу сабинян, которые находятся тут в рабстве. Кто-то – уже был обнародован скрин частной переписки «участника акции» – собирался «устроить пикник на сабинянском пляже, чтобы доказать, что они имеют право тут находиться». Впрочем, скорее всего, эти анархисты разбрелись бы по лесу кто куда, и отряду Треххвостого не составило бы труда переловить их поодиночке. Может, и не стоило оказывать такое жесткое сопротивление? Хотя нет – за первыми наверняка повалили бы другие, это стало бы модным аттракционом, и тогда...

Я порядочно устал. Хотелось есть и пить. Только сейчас, успокоившись, я понял, как мне холодно. Подлив масла в лампу (рядом с компьютером были полные бутылки), я взглянул на свои руки. Они были сизые и топорщились пупырышками, как у ошипанного цыпленка. Потерев руками плечи и попрыгав, я подумал, что пора, наверное, все же двинуться в обратный путь. Чем дольше я здесь находился, тем больше мне казалось, что уж до Стены-то я доберусь. Сколько там было поворотов? Два? Три? Однако, словно торопясь, пока я не ушел, на экране вдруг всплыло угловое окно. Только теперь там был не шаблон письма, а ответ! Я уселся и принялся читать. Я полагал, что это будет вопрос от какого-нибудь СМИ (вообще было довольно странно, как при таком интересе к этой истории они еще не закидали меня дополнительными вопросами). Однако ни одного вопроса до сих пор не пришло, как будто возможность обратной связи была для них заблокирована. И это письмо тоже не содержало не вопросов. И оно было не от журналистов.

«Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы это не повторилось. Вы знаете нашу позицию, она не изменилась. Однако, если снова прольется кровь, нам будет очень сложно сдерживать недовольство наших граждан. Постарайтесь, чтобы этого не произошло».

Адрес мне ни о чем не говорил. Кто это? Местный полицейский начальник, с которым у сабинянского руководства была начажена переписка? Подумав, я решил, что, судя по скупости формулировок, они принадлежат лицу, стоящему значительно выше полицейских. Неужели какой-нибудь министр? А может, это и вовсе президент соседней старинной и процветающей республики? Той самой, у которой есть все – пенсии, здравоохранение, частично бесплатное образование, музеи. известные на весь мир марки мебели и одежды... Все, кроме одного – природы. Там почти не осталось лесов, рек и озер. А те, что есть, застроены частными виллами. Большинство граждан, которым вилл не досталось, томятся в огромных городах с небоскребами и раскаленным асфальтом, и лишь на выходные выезжают в «загородные отели», где за право сделать барбекю на крошечной лужайке перед своим номером с видом на далекое

озеро они платят столько, сколько зарабатывают за месяц. Тошук был не прав, говоря, что в мире еще полно мест с чистым воздухом. Где-то, в каких-то отдаленных малонаселенных странах они, может, и есть, но не здесь. Так что озлобление наших соседей можно понять (я уже думал про них «наши соседи», хотя еще неделю назад находился за три тысячи километров отсюда). Впрочем, это все равно ничего не значит. В те годы, когда строилась наша Стена, все было по-другому. Люди из этих мест бежали, старинная республика, разоренная недавней войной, была бедна. Молодой сабинянской общине землю отдали за смехотворную по нынешним меркам плату. Понятно, сейчас активисты заявляют, что то решение не было волей всего народа, что тогдашние власти не имели права отчуждать территорию. Но ведь это произошло – договор был подписан и не оспорен... Так или иначе, возмущение сабинянским раем все больше нарастает, и рано или поздно оно прорвется наружу. Да уж и сейчас прорывается. Одного только не могут понять эти люди: этот рай, которому они так завидуют, существует лишь потому, что их в нем нет. Стоит им сломать Стену и хлынуть внутрь, как его тут же не станет. Это как проклятие царя Мидаса, который своим прикосновением превращал все живое и прекрасное – в мертвое золото. А они, боюсь, превратят не в золото, а в кое-что похуже...

Когда я услышал глухие шаги в коридоре, то сначала подумал, что это звуки еще какого-нибудь видео – настолько я отвык от реальности за эти несколько часов. Однако на сей раз они были настоящими. В комнате появился Тошук с лампой в руке.

- Прости, что пришлось отставить тебя одного так надолго, – озабоченно сказал он. – На Стене была еще одна попытка прорыва. Оказывается, эти борцы за справедливость собирались нападать тремя группами. Последняя пережидала в лесу километрах в десяти от предыдущего боя. Они пытались залезть на Стену с помощью приставных лестниц и крючьев.

- Им удалось?

- Нет. И обошлось без смертей. Полиция неожиданно оперативно сработала.

Он вытащил из котомки хлеб и большую бутылку с водой. Обрадовавшись, я жадно припал к ней, а затем откусил огромный кусок и принялся жадно жевать. Тошук отошел в угол, порылся там и вытащил сразу два одеяла, которыми старательно укутал мне плечи. Я удивился: никогда прежде он не выказывал подобной заботливости.

- О, ты не терял время зря! Молодец! – Придвинув табурет и сев рядом, он быстро пробежал глазами мою краткую переписку. – Я надеялся, что ты примешь правильное решение, и не ошибся.

- Э-э, надеюсь, я не наговорил им лишнего? И кстати – кто это мне ответил?

- Все в точку. И главное, вовремя. Все были заняты на Стене. Или под Стеной, с ранеными. Делать официальные заявления было некому. – Тошук грустно усмехнулся. – И ты очень кстати пришел на помощь. Я за тем и привел тебя сюда, но не успел объяснить, что к чему. К счастью, ты сам все понял.

Он проигнорировал вопрос о моем неизвестном респонденте, и я не стал настаивать. Меня гораздо больше интересовало другое.

- А кто обычно пишет эти тексты от имени Сабинянии? Разве не Верховный жрец?

Тошук открыл шаблон письма и стал что-то набирать в ответ таинственному «президенту». Мне он ответил не сразу, видимо обдумывая слова.

- Верховный жрец? Откуда ты взял этот термин? Разве кто-то из прежних экскурсантов по Сабинянии его упоминал?

- Нет... Кажется, никто. Но это было так естественно – раз есть теократия, то есть и Верховный жрец. – Тут уж я усмехнулся. – Который скрывается ото всех в том бетонном зиккурате, который виден из космоса...

- Ну да, логично. Но никакого Верховного жреца здесь нет. – Тошук резко нажал кнопку отправки сообщения, а затем принялся выключать компьютер.

- Вот как? – Я удивленно посмотрел на него. – Но кто же... Кто тогда управляет Сабинанией?

- Кто? – переспросил он. – А почему ты решил, что это должен быть кто-то конкретный, какое-то одно лицо?

- Ты хочешь сказать, что это коллегия жрецов?

- Я хочу сказать, что Сабинанией управляют все сабиняне. Все до единого. Вставай, пойдем. Одежда возьми с собой – на стойбище пригодятся.

Экран погас, и Тошук слегка подтолкнул меня к выходу.

- Погоди, но как это возможно? Нет, я, конечно, помню про «страны народной демократии», но они на деле были еще более авторитарны, чем честные капиталистические режимы. Всем известно, что народ не может управлять напрямую! Иначе получится хаос. Нужны представители. Если помнишь, даже новгородское вече в России и то состояло только из платежеспособных граждан...

- Представители нужны, когда в обществе слишком много противоборствующих групп интересов. А если интересы у всех действительно общие...

- Это невозможно! Это Пол Пот, это утопия, это вранье!

Я немного забылся, но после нескольких часов за компьютером в холодном подземелье это было извинительно. Тошук, видимо, понимал это, и не придавал значения.

- Погоди про Пол Пота. Я не договорил. Ощущение того, что у людей разные интересы, во многом усиливается тем, что они не чувствуют и не понимают друг друга. А вот представь, что твой ближний для тебя – почти что открытая книга. И ты знаешь все, что его беспокоит. Нет, даже не так. Ты, он, она, я, они все – представь, что это единая душа. Она может немного по-разному преломляться в каждом индивиде, но все равно – устремления у всех едины. И вот представь, что ты ощущаешь эту Душу в каждом. Тебе не нужны представители, чтобы донести свои убеждения до других. Ведь ты – это и есть другой. Ты – это и есть все другие. А все они – это ты. Ты хорошо знаешь, что они все хотят. Что им нужно. И что нужно для блага вашей единой Души.

- Эта душа – Сабина? – глупо спросил я.

- Да какая разница! Называй, как хочешь. Я пытался объяснить тебе, что, если ты подключен к этой единой Душе, что тебе уже не понадобятся отдельные люди, которые выражали бы тебя перед остальным миром. Каждый житель Сабинянии может в любой момент выступить от имени всех.

- Фантастика какая-то!

Мы шли по пещерному коридору, и я все время пытался забежать вперед, чтобы лучше видеть лицо Тошука.

- Ну, предположим, здесь существует этакая нейросеть, - говорил я. - Как мозг, в котором отдельные личности - это нейроны...

- Сравнение крайне вульгарное и неточное, но, если по-другому нельзя, пусть будет так. Хотя я бы сказал, что личности здесь - это не отдельные части Души. Душа ведь не материальна, у нее не может быть частей. Каждый из нас - это и есть сама Душа, единая и бесконечная...

- Ты сказал - «каждый из нас»? Ты имел в виду и себя тоже?

- Э-э, неважно. Я оговорился.

- Хорошо, но как сабиняне решают между собой, кто в данный момент будет выступать от имени всех?

- А как они решают, куда нужно тащить зерно, а куда - рыбу? Как передают друг другу информацию о нападении? Почему ты об этом не спрашиваешь? Все точно так же. Вся Сабиняния - это единое мыслящее существо, локализованное одновременно в двух тысячах индивидов. Когда один узнает о нападении, об этом тут же узнают все. Когда где-то не хватает зерна, то жители стойбища, где его в избытке, уже знают, куда нужно перетаскать его. А те, у кого есть свободные руки для перетаскивания, знают, где понадобится их труд. Вот и все.

- Чудеса, ей-богу. Знаешь, я столько о таком читал... Точнее, читал о мечте создать что-то подобное. Такой вот органический интернет. Это уже даже не коммунизм, это что-то вроде...

- Только, пожалуйста, не сравнивай с муравейником. Там каждая особь - действительно маленький винтик целого, и не может существовать без него. У нас же каждый индивид тождественен целому. Это совсем другое.

- Ладно, предположим. Но ведь люди все-таки отличаются друг от друга. Снип, например, пишет стихи, а Чит - талантливый математик. Значит, тождество неполное?

Мы быстро шли по коридору вниз. Значит, подумал я, мы не возвращаемся на Стену, а спускаемся в сторону моря.

- Если очень грубо, то это похоже на функциональные отделы в мозгу. Мозг осознает свои задачи, а решают их, в зависимости от направленности, разные группы клеток...

- Как, однако, механистично. Но ведь сабиняне осознают себя отдельными личностями! У них даже, как я заметил, есть сугубо индивидуальные мысли и желания. Например, о любви.

- Что тут странного? Представь, что единой Душе проще существовать во множестве частных воплощений. Каждая из них, хоть и обладает иллюзией обособленности (при том знает, что это иллюзия), осознает себя неразрывно связанной с целым.

- Ну хорошо. А кто, если не жрецы, обычно берет на себя функцию общения с внешним миром?

- Как правило, кто-то из солдат, охраняющих участки Стены, близкий к компьютерам. Так удобнее. Они всегда могут отлучиться вниз и отослать письмо.

- А что тогда делают жрецы? В чем их функция?

Тошук удивился.

- Разве мало того, что они жрецы? Даже во внешнем мире священнослужитель – отдельная профессия. Впрочем, здесь они еще и учителя.

- Ах да, вспомнил. Треххвостый рассказывал. Так значит, тот, кто обычно писал пресс-релизы, давеча был занят на Стене, и поэтому ты решил привести на замену меня? Но не слишком ли это было...

- Он больше никогда не сможет писать, - строго перебил Тошук.

Я взглянул на него.

- Это был Уш, друг Сота.

Тот простоватый с виду подросток, который во всем слушался Сота?! Тот, чье тело вынес со Стены Ержи? Не может быть! Это он – «Голос Сабинянии»? Это его мы на все лады цитировали и вдумчиво трактовали в наших пабликах? Я остановился, не в силах поверить.

- Тебя это удивляет?

- Э-э... Я вроде бы научился не удивляться. Но сейчас, право, это выше моих сил. Этот паренек говорил от имени Сабинянии! Переписывался с президентскими администрациями! Налаживал дипломатические отношения! Он, такой непохожий на...

- На кого?

- Ну, на людей умственного труда.

- А другие здесь разве на них похожи?

- Нет, не похожи. Ты прав. Но все равно, это чудо. Действительно, они все тут - философы, решившие вернуться к естеству. Скромно скрывающие свой ум и эрудицию.

Тут я вспомнил, что Уша нет в живых. Как же так, такой юный!

- Сколько ему было? У него остались родители?

- Семнадцать лет. Родители – да. И два младших брата.

Я замолчал. Вниз шагать было легко, но груз на сердце тяготил не меньше, чем трудный подъем. Значит, еще один юный покойник! Его сожгут на костре, а кости выложат кучкой в пещерной нише. Да еще, небось, сделают это втайне от родителей, чтобы они не вздумали устроить культ останков... Но зачем все это, зачем нужна Единая Душа, самопожертвование и прочее, если нельзя даже сходить поплакать на могилу к сыну?

- Можно, - услышал я сквозь свои мысли.

- Что ты сказал? – Я удивленно обернулся.

- Нет, ничего.

Он ответил мне? Значит, он тоже умеет читать мысли? Впрочем, неважно. Я решил пока оставить решение этических вопросов: противоречия были столь глубоки, что мой рассудок не мог их охватить и разрешить. Но что-то еще не давало покоя. Что же? Ага, вот это...

- Значит, ты решил временно поставить меня на замену Ушу? Это, конечно, огромная честь для меня, но ведь я мог и ошибиться, написать что-то не то! Это могло повредить Сабинянии! Ведь я-то не подключен к этой самой Единой Душе!

Тошук задумался.

- Я понадеялся на обратное, - наконец, сказал он.

- То есть как? Ты надеялся, что меня тоже каким-то образом «подключили» к местному мега-мозгу? Но как это возможно? Ведь я - «внешний»!

- Не могу этого объяснить, - с видимой неохотой сказал он. - Здесь всем управляет богиня Сабина, так что почему бы и нет. Ты же сам говорил, что еще вечером на стойбище у тебя было видение боя. Потом - на рассвете. Верно? И у Ержи было. Значит, Сабина уже каким-то образом вобрала вас в себя.

Я вздрогнул. Мысль о том, что некая сущность хотя бы отчасти посягнула на твою свободную волю, была неприятна. Хотя, черт возьми, не об этом ли я мечтал? Не это ли - секрет братства сабинян? Я вспомнил Ченга и Йоки в подземелье: как они шли, погруженные в себя и никого не замечая.

- С тобой я просто решил попробовать, - поспешно заговорил Тошук, словно раскаиваясь, что наговорил лишнего. - Тем более, что выбора не было. Нужно было срочно дать какой-то комментарий во внешний мир. Иногда мне случалось делать это самому, и я думал, что займусь и в этот раз... И вдруг я почувствовал, что на Стене нарастает тревога. Так оно и оказалось: это пошла на прорыв третья группа анархистов. Я ушел, надеясь скоро вернуться. Но скоро не получилось. А когда я вернулся, то увидел, что ты уже все сделал! Знаешь - вряд ли бы я сам, или покойный Уш написали по-другому. Значит, Единая Душа приняла тебя в свое лоно! Она сделала тебя орудием, которое верно передало ее волю.

Я предпочел бы представить все это по-другому, но Тошук был убежден в своей версии. А главное - видение боя у меня действительно было! Это надо было как-то объяснить.

- Ну, а ты сам? Ты тоже подключен? - спросил я.

- Временами - да. Это такое прекрасное чувство - быть единым со своими братьями, понимать и слышать всех и каждого, знать, что ты есть и для чего. В такие минуты одиночество кажется нелепой выдумкой. Но потом, увы, все заканчивается, и я снова становлюсь собой. То есть одиноким, который лишь мечтает о единстве.

От былой рассудительности Тошука не осталось и следа. Я понял, что он действительно верит во все это - и в Единую душу, и в Сабину.

- Я не знал, что ты так глубоко... Словом, именно тебе, мне кажется, стоило бы попроситься остаться здесь навсегда. Хотя, наверное, ты уже просился?

Он уклончиво помотал головой. Он просился, но ему отказали? Но Тошук, видимо, не хотел больше расспросов. Он ускорил шаг и обогнал меня в узком коридоре.

- Пойдем быстрее. У меня беспокойно на душе.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1577840>